

А.В. Квакин,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА –

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ/ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:

Ещё раз о соотношении понятий

В период «гласности» и «демократизации» отечественные обществоведы много спорили о методах, не учитывая того, что за методами всегда стоит методология как совокупность более общих установок и ценностных ориентаций. Не в последнюю очередь это произошло потому, что само слово “методология” в 1980-е годы звучало сомнительно, поскольку, прежде всего, ассоциировалось с “марксистской” методологией. Из этого естественно вытекало, что историку надлежит заниматься конкретными исследованиями, а не “философствованиями”.

Мы были в немалой степени зачарованы строгостью, точностью и формализацией как таковыми. В эссе “О педантизме” Монтень в качестве примера неуместного пристрастия к точности описал человека, который *“никогда не решится сказать, что у него на зад у завелась парша, пока не справится в своем лексиконе, что, собственно, значит, зад и что значит парша”* [Монтень М. Опыты. Кн.1–2. СПб., 1998. С. 168]. Мне это напоминает многие наши тогдашние споры. Мы постоянно увязали в деталях из-за невозможности точно сказать, что имеется в виду в том или ином частном случае. Недаром же мы восхищались знаменитым афоризмом Витгенштейна: *“то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать”*. Это сегодня я присоединяюсь к словам Ю.И. Левина, сказанным уже в 1990-е годы: *“Я считаю этот методологический ригоризм одним из самых вредных явлений во всей истории философии: самооскопление, даже во имя идейной чистоты, не может быть плодотворным”* [Левин Ю.И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. Вып.34. М., 1994. С.128]. Ю.А. Шрейдеру сегодня я обязан идеей о необходимости даже в самых строгих рассуждениях **сознательно** отказаться от ненужного ригоризма и о пользе размышлений в терминах “размытых понятий” даже применительно к вполне строгим вещам. Только тогда становятся возможны интеллектуальные инновации и свободный совместный поиск [[Шрейдер Ю.А., "Наука - источник знаний и суеверий // Новый мир. 1969. № 10. С. 207–226;](#) Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования–1975. Ежегодник. М., 1976. С.149–171. Шрейдер Ю.А. Равенство,

сходство, порядок. М., 1971. - 252 с.].

Однако именно сегодня неожиданно для меня мои суждения периода «демократизации» и «гласности», далеко не претендующие на роль некоей методологии, оказались под огнём критики тех, кто выступает в роли современного ревностного ригориста-методолога. Так, профессор кафедры политологии и права Ивановского энергетического университета В.Г. Ледяев пишет: *«Нежелание исследователей соотносить понятие интеллигенции с другими понятиями нередко приводит к элементарным случаям синонимии, которых концептолог обязан избегать. Например, А.В. Квакин фактически определяет понятие интеллигенции тождественно традиционному понятию «элита», когда пишет, что "в процессе развития любая социальная группа создаёт собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы"». Он неоднократно использует термины "элита" и "интеллигенция" как взаимозаменяемые. Кроме того, он, по сути, не считает необходимым разводить понятия "интеллигенция" и "интеллектуал", часто используя конструкцию "интеллигенция/интеллектуалы"»* [Ледяев В.Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 16]. Наверное, можно было бы проигнорировать данное суждение, сославшись на то, что мои выводы вырваны из общего контекста авторских доказательств. Однако, отнесение меня в данной статье ивановского автора к «концептологам», к чему, честно говоря, я никогда не стремился, в сочетании с подвешенным над пустотой смысла цитированием, ставит меня в положение известного литературного героя, которого другой не менее известный литературный герой того же произведения «осадил». Теперь вот приходится оправдываться и разъяснять мою тогдашнюю и сегодняшнюю точку зрения.

Ещё в 1907 году в Санкт-Петербурге вышел критико-социологический очерк Е.И. Лозинского «Что же такое, наконец, интеллигенция?». Название его работы претендовало на подведение итогов дискуссии о роли интеллигенции в обществе. Но можно с уверенностью сказать, что и сегодня, почти через 100 лет, этот вопрос по-прежнему актуален. Современные дискуссии открыл в конце 1991 года известный филолог А.М. Панченко. В № 50 популярного тогда в кругах интеллигенции еженедельника «Московские новости» за 1991 год он дал интервью с претенциозным заголовком «Не хочу быть интеллигентом». По словам А.М. Панченко, ему *«что-то мешает»* назвать интеллигентами Пушкина, Л. Толстого,

Достоевского, как и врачей, учителей, инженеров, которые, якобы, в российской традиции *«интеллигентами не считались»*. По мнению А.М. Панченко, нужно отказаться от термина «интеллигенция», который противопоставляет этот слой власти, и перейти к общемировому термину «интеллектуалы». А так – все беды нашей страны из-за того, что мы интеллектуалов называем «интеллигенцией». И если мы хотим (а в 1991 году многие хотели) войти в общемировое сообщество, то интеллигенты обязаны стать интеллектуалами. Вскоре данную тему продолжили многочисленные статьи в других изданиях отечественной интеллигенции для отечественной интеллигенции.

Однако лингвисты отмечают определённые оценочные нюансы при контент-анализе текстов, где употребляются термины интеллигенция/интеллектуалы. Так в немецком языке термины *Intellektuelle*, *Intelligenz* часто несут положительную конотацию «творческая» или «критическая». В английском языке *intellectuals* и во французском языке *les intellectuels* отражают меньше ценностей, ибо в этих языках нет позитивной оценки в связанных с этими терминами словах [Malia, M. *What Is the Intelligentsia?* // Pipes R., ed. *The Russian Intelligentsia*. N.Y., 1961. P. 3]. При этом отношение к этим слоям в западном обществе мало чем отличается от отечественного. Так, сиднейскому писателю Бернарду Коэну пришло в голову выяснить, что думают об интеллектуалах в благополучной Австралии «простые люди». Вот лишь некоторые из характеристик, которые дали австралийцы людям интеллектуального труда: «они оторваны от жизни», «они сидят в башне из слоновой кости», «это бледные и худые умники», «они чертят диаграммы, не имеющие никакого отношения к действительности», «все их представления схематичны, они всё видят только в белом и чёрном свете», «они живут в мире, понятном только посвященным», «они сами толком не знают, что им нравится», «они говорят на другом языке», «все они чокнутые» и т.д., и т.п. [Московские новости. 1993. № 14]. Получается, что дело не в терминах, а в сути явления, и от изменения термина отношение к данной категории людей в обществе почти не меняется.

Долгое время считалось, что термин «интеллигенция» был введен в 1866 году популярным тогда русским писателем П.Д. Боборыкиным. Точнее, сам писатель попытался (и это ему удалось на целые 100 лет) ввести в заблуждение общественность. Он сам заявил в 1909 году, что изобрёл данный термин, ибо, по его мнению, русская интеллигенция – это этический русский феномен [См.: Боборыкин П.Д. «Подгнившие вехи» // В защиту Интеллигенции. М., 1909. С. 129 – 130].

Это заявление П.Д. Боборыкина взял на вооружение известный публицист начала XX века П.Н. Сакулин, и с его легкой руки Боборыкин был провозглашён изобретателем термина «интеллигенция», что было важно для тех, кто исходит из наличия самого специфического явления – русской интеллигенции.

В действительности, слова интеллигент, интеллектуал, как и *Intellectuelle*, *Intelligenz*, *intellectuals*, *les intellectuels* являются словами латинского происхождения от *intelligens* – понимающий, мыслящий, разумный. Данное слово появилось тысячелетия назад, бытует во многих языках и потому сам предмет «особой русской интеллигенции» надуман. А разговоры на эту тему носят амбициозно националистический характер, а точнее, русофильский [Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть (феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти). М., 1993. С. 8 – 9]. И до 1866 года этот термин существовал, употреблялся в русском языке, хотя и писался чаще всего латинским шрифтом, что было обычным для иноязычных терминов. Латынь была в то время наиболее употребляемым языком в российских семинариях. И трудности транслитерации этого термина не было. Более того, интериоризация, то есть преобразование внешних отношений в структуру индивидуального действия и сознания, относительно данного термина произошла задолго до Боборыкина. Всё это прекрасно показали авторы коллективной монографии «Русская интеллигенция. История и судьба» (М., 1999. С. 20, 37 и др.).

Возможно, что был прав выдающийся русский философ Г.П. Федотов, который в статье «Трагедия интеллигенции» в 1926 году отмечал: «...*Обращаясь к "канону" русской интеллигенции, мы сразу же убеждаемся, что он не способен подарить нам готовое, "каноническое определение". Каждое новое поколение интеллигенции определяет себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на 10 лет – новую эру*» [Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 405].

Однако, поиски «своего определения» интеллигенции/интеллектуалов продолжаются не только в российском обществоведении, но и за рубежом, ибо правильно определить понятие – это означает почти разгадать его природу. Польский социолог Ян Шепанский выявил более 60 различных определений и интерпретаций терминов интеллигенция/интеллектуалы (авторство подобного написания термина, или, по выражению В.Г. Ледеява, – «конструкции», принадлежит ему и

лишь заимствовано мною) [Szczepanski J. Inteligencja a spoteczenstwo. Warszawa, 1957. Szczepanski J. Intellectuals in Contemporary Societies. Stanford, 1961]. Им же выделено три категории определений данного термина: Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя, играющего решающую роль в развитии культуры на основе определяющих признаков – высшее или среднее специальное образование и нефизическому характеру труда. Сам Ян Шепанский попытался дать всеобъемлющее определение интеллигенции/интеллектуалам, чтобы включить в него различные группы: *«Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; учёных, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ»* [Szczepanski J. Die Intelligenz in der gegenwärtigen Gesellschaft. Frankfurt/M., 1966, s. 236].

При этом, на мой взгляд, остается верным определение Л.П. Сверчковой интеллигенции как специфического субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда [Сверчкова Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 65]. Именно это дает нам основание утверждать, что *"в процессе развития любая социальная группа создаёт собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы"* [Квакин А.В. Современные проблемы изучения истории интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Иваново, 1995. с. 8]. Эта функция интеллигенции как социальной группы обеспечивает связанность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создаёт единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей [См.:

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 334 – 336].

При этом интеллигенция/интеллектуалы не представляют собой единого целого. На мой взгляд, можно согласиться с мнением современного российского исследователя А.Н. Севастьянова, который выделил в интеллигенции/интеллектуалах три слоя своеобразного конуса, верхнюю немногочисленную часть которого занимают идеологи, среднюю часть – пропагандисты, а нижнюю, самую широкую часть, – исполнители [Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. М., 1995. С. 135]. При этом условная «верхняя часть», наверное, ближе всего по своему содержанию с понятием «духовная элита», которая, по определению А.С. Ахиезера, представляет из себя *«особый тип социальной элиты»*, это *«социальная группа, стремящаяся, по крайней мере, в тенденции, творчески квалифицированно культивировать высшие ценности культуры, обобщать опыт мировой истории, стимулировать взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры... Она общается с основной частью народа через интеллигенцию, которая интерпретирует идеи духовной элиты для массового потребления, вкладывая в них иной, подчас прямо противоположный смысл»*[Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. С. 162 – 163]. При такой трактовке речь идёт не о подмене понятий «интеллигенция/интеллектуалы» и «духовная элита», как утверждает В.Г. Ледяев, а об их взаимодействии и возможной интеграции.

Внимательно читая статью В.Г. Ледяева, невольно обращаешь внимание на то, что, выступая в качестве риголиста-методолога, автор лишь отвергает **чужие** подходы, присоединяясь порой к **чужой** критике **чужих** подходов, но, не делая при этом даже элементарных попыток внести **свой** собственный вклад в разработку понятия «интеллигенция/интеллектуалы». Правда, с окончательным выводом статьи В.Г. Ледяева можно безоговорочно согласиться: *«... Часто исследователи просто говорят на разных языках, не понимая своих оппонентов, что более всего сказывается на изучении проблем интеллигенции, глубине и обоснованности полученных результатов и выводов. Поэтому, хотя разговор о понятии интеллигенции многим интеллигентоведом не представляется продуктивным, его нужно продолжить»* [Ледяев В.Г. Указ. Соч. с. 17].